

К истории закона 1911 г. «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений»

О. А. Валькова

В Российской империи женщины впервые получили право на приобретение степеней магистров и докторов и на службу в ученых и высших учебных учреждениях по закону «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», принятому в декабре 1911 г. История неожиданно либерального закона, принятого в разгар реакционной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо, остается неисследованной в современной историографии. В настоящей статье мы рассмотрим историю принятия этого революционного закона, по существу разрешившего российским женщинам доступ к профессиональной карьере в науке, и мотивы, которыми руководствовались его создатели.

Ключевые слова: закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», Российская империя, ученая степень, женщины-ученые.

Для цитирования: Валькова О. А. К истории закона 1911 г. «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений» // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 196–221. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_196. EDN: SGTKFM

Введение

«Представляется вполне справедливым дозволить лицам женского пола в общем порядке приобретать ученые степени» Н. А. Шварц, министр народного просвещения (1909 г.). 19 декабря 1911 г. император Николай II подписал закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», позволивший россиянкам впервые в истории не только получать, после сдачи соответствующих экзаменов, дипломы об университетском образовании, но и в дальнейшем претендовать на ученые степени, звания и соответствующие им должности: «Лица, выдержавшие успешно испытание в знании университетского курса (ст. 9), могут приобретать от университетов ученые степени магистра и доктора. Дипломы на степени магистра и доктора выдаются по правилам, определенным в Уставах университетов для лиц мужского пола, и с присвоением прав, предоставленных сим званиям на ученую и учебную деятельность, а также и на службу в учебных заведениях, согласно Уставам сих последних» [1]. Этот закон, хоть и содержащий ряд ограничений, тем не менее фактически открыл женщинам – подданным Российской империи дорогу к карьере в профессиональной науке, и высшей школе. Он стал поворотным моментом в истории борьбы российских женщин за право доступа к интеллектуальным профессиям. Однако до относительно недавнего времени Закон 1911 г. был практически неизвестен в отечественной историографии [2; 3]. И даже после того, как на него обратили внимание исследователи, остается совершенно непонятным, каким образом столь революционный закон оказался принят в разгар ультраконсервативной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо (1865–1914), известного своим личным и профессиональным консерватизмом и стараниями привести образовательную систему империи в состояние, в котором она пребывала до революционных изменений 1905–1907 гг. В настоящей статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов Государственной думы, Государственного совета, Министерства народного просвещения мы исследуем историю принятия этого закона, постараемся определить его инициаторов, мотивы, которыми они руководствовались и цели, которые преследовали.

«Изложение дела»

Инициатором закона, о котором пойдет речь в настоящей статье, стала, как это может не показаться странным на первый взгляд, не какая-либо из либеральных или демократических представленных в Думе политических партий, поддерживавших борьбу женщин за равноправие, а известное своим консерватизмом, особенно в послереволюционный период Министерство народного просвещения. Однако Л. А. Кассо, назначенный министром 27 сентября 1910 г., не имел к его созданию никакого отношения. Законопроект был разработан и внесен в Думу его предшественником на этом посту Александром Николаевичем Шварцем (1848–1915), занимавшим должность министра народного просвещения в 1908–1910 гг. 27 марта 1910 г. Разряд ученых учреждений и высших учебных заведений Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения внес в Государственную думу подписанное А. Н. Шварцем представление «об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о приобретении ими ученых степеней и звания учительницы гимназии» [4, л. 1]. Как и сменивший его на посту министра Л. А. Кассо, А. Н. Шварц не славился своим либерализмом или демократическими взглядами. Назначенный на должность министра народного просвещения 1 января 1908 г. по приглашению П. А. Столыпина, он известен внесением в III Государственную думу проекта университетского устава, «исключавшего всякие положения об университетской автономии»¹, а также целым рядом мер, направленных на сглаживание и нивелирование изменений, привнесенных в образовательную систему России в революционный период 1905–1907 гг. С другой стороны, именно под руководством Шварца разрабатывался закон об обязательном начальном образовании в Российской империи, которому Шварц уделял очень много внимания [5–9], законы и положения о создании высших начальных училищ [10–12], о подготовительных училищах Министерства народного образования [13], о постановке ремесленного и технического обучения в начальных училищах [14]. Шварц заботился об увеличении мизерных зар-

¹ Шварц Николай Александрович // Летопись Московского университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/peoples/762> (дата обращения: 07.06. 2024).

плат учителей церковно-приходских школ [15], большинство из которых уже составляли женщины, об улучшении положения служащих средних учебных заведений [16–17] и т. д. и т. п.

Тем не менее, в том, что касалось женщин и их прав на образование, политика правительства в 1908 г. – уже в период министерства Шварца – оставалась крайне консервативной и А. Н. Шварц не мог не подчиняться, даже если придерживался несколько иных взглядов. Например, 4 сентября 1908 г. Совет министров в своем заседании рассматривал вопрос о положении вольнослушательниц в университетах. Причем инициатором этого обсуждения выступил (уже повторно) именно Совет Министров, а не Министерство народного просвещения: «Совет Министров, в мае текущего года, вновь указал нынешнему министру народного просвещения сенатору Шварцу на необходимость восстановления в этом деле законного порядка», – записано в «Журнале заседаний» [18, л. 24]. Шварц вынужден был оправдываться и извиняться. В результате не только было решено впредь вернуться к существовавшему ранее – законному – порядку вещей и запретить университетам прием женщин в качестве вольнослушательниц, но и сделано интересное для нас заявление: «Что же касается законодательного вопроса об изменении на будущее время действующих о высших учебных заведениях узаконений в смысле допущения в означенные заведения наравне с мужчинами и женщин, то вопрос этот весьма сложный и требует особого обсуждения, причем к возбуждению его, по мнению Совета Министров, *нет достаточных оснований*, тем более, что ни в одном государстве не существует столько высших учебных заведений специально для лиц женского пола, как в России» [18, л. 25–26]. Однако, несмотря на жесткую позицию правительства, Шварц тогда же счел необходимым обратить внимание участников обсуждения на тяжелое положение, в котором очутились девушки, начавшие обучение в университетах, и не успевшие его окончить. Именно он внес предложение позволить им сделать это: «Сенатор Шварц считает своим долгом, в справедливом внимании к нынешним вольнослушательницам, обеспечить возможность дослушать до конца начатые ими университетские курсы» [18, л. 26]. И несмотря на то, что Совет Министров выдал ему строгий приказ «чтобы в предстоящем учебном году

в составе студентов и посторонних слушателей университетов оставлены были, по надлежащей проверке только лица, имеющие на то законное право, и чтобы впредь, пока существующий закон не изменен, учащиеся женского пола *ни под каким видом* в университеты не допускались» [18, л. 26], его предложение было принято, одобрено Николаем II и в конце концов превратилось в закон [19].

На фоне всей этой деятельности А. Н. Шварца разработка и подписание им проекта закона, открывавшего перед женщинами возможность карьеры в высших учебных и научно-исследовательских учреждениях империи – возможность, за которую наши соотечественницы боролись начиная с 1861 г. и в которой правительство им с того самого времени последовательно отказывало, уже не вызывает такого уж сильного удивления [3]. Какими же он соображениями руководствовался и чего именно хотел достичь в итоге, разрабатывая этот закон, как объяснял его необходимость правительству?

Сохранившаяся преамбула («Изложение дела») к законопроекту достаточно лаконична, но она, на наш взгляд, отражает причины, вынудившие министерство пойти на этот шаг. Прежде всего А. Н. Шварц счел нужным обратить внимание законодателей на то, что согласно предоставленной справке, к 1910 г. в России существовало примерно 700 женских гимназий, находившихся в ведении Министерства народного просвещения. Все они, за несколькими небольшими исключениями, содержались за счет средств, «поступавших от городов, земств, сословий, частных обществ, отдельных лиц и от родителей за обучение их детей» [4, л. 3]. Казна оплачивала содержание женских гимназий только в Виленском, Рижском, Киевском учебных округах, а также в Туркестане и Забайкалье [4, л. 3]. Таким образом, министр народного просвещения фактически утверждал, что система женского гимназического образования в империи была создана усилиями и на средства частных лиц и общественных институтов почти что без финансовой поддержки государства, но, несмотря на это, к 1910 г. она стала достаточно масштабной и разветвленной. В дополнение к системе среднего женского образования общество при поддержке частных лиц начало формировать систему высшего женского образования – к 1910 г. по сведениям министерства в стране действовало 25 различных

высших женских курсов, не считая Женского медицинского института в С.-Петербурге, чье содержание начиная с 1904 г. оплачивала казна [4, л. 4, 4 об.]. Хотел ли министр, перечисляя эти факты, подчеркнуть масштаб заинтересованности общества в женском образовании как таковом и невозможности игнорировать эту заинтересованность на государственном уровне, сказать трудно. Но именно с перечисления этих фактов начинается «Изложение дела».

Далее, однако, следует, как нам кажется, истинная причина: «*Крайний недостаток в учителях*¹ как для старших классов женских гимназий, так и для мужских гимназий побудил Министерство народного просвещения просить высочайшего соизволения (25 сентября 1901 г. и 26 августа и 6 октября 1906 г.) на предоставление министру права допускать к преподаванию в средних учебных заведениях лиц женского пола, получивших высшее образование», – пишет А. Н. Шварц, отмечая, однако, что эта мера не помогла: «Число лиц, допускаемых к преподаванию, ежегодно увеличивается, а с тем вместе все определенное выясняется вопрос о необходимости установить порядок приобретения лицами женского пола документов, удостоверяющих, что полученное ими образование вполне соответствует университетскому и может быть признано высшим» [4, л. 4 об.].

Правительство десятилетиями отказывало женщинам в праве претендовать не только на обучение в университетах их родины, но даже и на возможность сдать экзамены и получить диплом университета, именно потому, что этот диплом открывал доступ ко многим профессиям. Даже разрешенные с большой неохотой высшие женские курсы, не получили позволения выдавать дипломы государственного образца, которые давали бы их обладательницам хоть какие-то права. Именно поэтому они выдавали каждое свое свидетельство по собственному усмотрению. По закону эти свидетельства не имели никакой силы, но на практике, при недостатке учителей средней школы начальство вынуждено было принимать их во внимание. Пока случаи были единичными, они мало кого беспокоили, но с увеличением масштаба, проблема стала затруднительной для самого министерства. Конечно, при оправдании необходимости законопроекта на первый план выставлялась не загруженность

¹ Здесь и далее курсив наш. – О. В.

министерства бессмысленной, в общем-то, работой, а необходимость гарантировать должный уровень образования в империи: «Высшие женские курсы как С.-Петербургские и Московские, так и все остальные суть “частные учебные заведения”, а потому свидетельства, выдаваемые ими, не могут иметь силы официального документа. Сверх сего высшие женские курсы весьма различны по своим программам, по научной подготовке преподавателей, полноте учебно-вспомогательных установлений, а потому и свидетельства, выдаваемые курсами о прохождении в них наук, не могут быть равноценны. Нет достаточных оснований и нежелательно стеснять тех лиц и общества, благодаря энергии коих курсы возникали и развивались, но, с другой стороны, необходимо гарантировать и правительству, и обществу, что полученное данными лицами образование действительно отвечает требованиям высшей школы», – отмечал А. Н. Шварц. И объяснял далее: «Учебное начальство *поставлено в необходимость* назначать учительницами и в женские, и в мужские учебные заведения лиц женского пола, получивших высшее образование. Не имея объективных данных в каждом отдельном случае для решения вопроса, насколько то или иное лицо, получившее свидетельство от высших курсов, может быть признано получившим действительно высшее образование, учебное начальство легко может впадать в ошибки, вредные для учебных заведений» [4, л. 4 об., 5].

Таким образом, мотивы министерства в представлении проекта закона становятся понятны. Их не посетило неожиданное стремление поддержать требования о равных правах женщин на получение образования и на труд; они хотели всего лишь упорядочить сложившуюся уже фактическую практику и тем самым облегчить собственную работу. Учитывая, что вся ситуация возникла из-за упорного многолетнего нежелания правительства допускать женщин в университеты и выдавать им дипломы оных, можно сказать, что министерству Шварца пришлось наконец ради того, чтобы самим не утонуть в бесконечных прошениях, попытаться навести хоть какой-то порядок в хаосе, созданном исключительно собственными усилиями. Но учитывая, что в 1908–1909 гг., когда создавался проект закона, министерство было вынуждено иметь дело с представительским органом, оно не могло не вспомнить и об интересах самих женщин, интересах,

которые оно спокойно игнорировало на протяжении десятилетий: «В этом нуждаются и те лица женского пола, которые проходят высшие женские курсы: им тоже необходимо иметь о своих знаниях документ, который был бы достаточно авторитетен и для них, и для общества, и для правительства», – отмечал, как нам кажется, вполне искренне А. Н. Шварц [4, л. 4 об.].

Помимо необходимости привести к единому знаменателю документы, получаемые слушательницами по окончании высших женских курсов и признать их каким-то образом на законодательном уровне, облегчив таким образом принятие решений г-ну министру и руководству средних учебных заведений при принятии на службу женщин, была еще одна проблема, доставлявшая лишние хлопоты Министерству народного просвещения в эти годы. Немало девушек, поступивших в различные высшие учебные заведения в революционный период и как раз окончившие их к 1908–1910 гг., начали обращаться в советы этих учебных заведений с просьбой принять у них экзамены и выдать диплом. Советы же учебных учреждений, не имея на это законодательных оснований, начали, в свою очередь, обращаться к высшим государственным органам, создавая неудобство, в том числе и Министерству народного просвещения: «Не имея законного права и вообще достаточных оснований на присвоение выпускным свидетельствам всех высших женских курсов значения официального документа, Министерство народного просвещения не могло найти в законе также и права на допущение лиц женского пола к экзаменам в испытательных комиссиях при университетах, в уставе коих хотя и имеются ввиду экстерны, но исключительно лица мужского пола» [4, л. 5 об.]. В результате, поскольку «число желающих получить университетский диплом с каждым годом увеличивалось, а в интересах средних учебных заведений было иметь большее число лиц, получивших законом установленные дипломы», министерство было вынуждено просить «Высочайшего соизволения», дарованного 19 марта 1908 г., на разрешение министерству «не только определять условия, на которых лица женского пола, получившие высшее образование в заграничных и русских учебных заведениях, могли бы по роду своей специальности, подвергаться в той или иной комиссии, но и допускать к означенным испытаниям», – пи-

сал А. Н. Шварц и уточнял: «Это право испрашено было *ввиду создания какого-либо выхода из того положения, в котором Министерство народного просвещения находится* в вопросе об определении, кто из лиц женского пола получил высшее образование в объеме университетского курса» [4, л. 5 об., 6]. Но, очевидно, этого оказалось недостаточно, а уже существовавшие при университетах комиссии по приему экзаменов плохо справлялись с увеличившимся наплывом желающих экзаменоваться.

Перечислив причины, Шварц очень настойчиво обращался к депутатам Государственной думы: «Министерство народного просвещения находит *безотлагательно необходимым* в скорейшем времени разрешить вопрос о порядке получения лицами женского пола дипломов, которые могли бы удостоверить их научную подготовку и дать им права на ученую и учебную службу» [4, л. 5]. Постоянно растущая необходимость средних учебных заведений, даже таких элитных как гимназии, в дипломированных учителях, потребность, которую уже не могли удовлетворить выпускники-мужчины, понятна; также понятно желание министерства разгрузить себя от вала женских прошений и вызванной ими дополнительной работы. Упорядочить вопрос с дипломами следовало давно, а если как следует подумать, то его не следовало создавать... Но вот почему вдруг возникла необходимость предоставить женщинам право на «ученую службу», все еще остается непонятным. Если в разделах, касающихся дипломов, Шварц использует слово «необходимость», то, объясняя последнее, он обращается к слову «справедливость»: «Представляется вполне *справедливым* дозволить лицам женского пола в общем порядке приобретать ученые степени», – отмечал А. Н. Шварц [4, л. 7]. Это же слово он употребил, выступая перед Советом Министров в 1908 г., прося дать возможность вольнослушательницам университетов окончить их образование. У Н. А. Шварца было четыре дочери, может быть, он думал о своих девочках, когда писал эти слова, искренне сочувствуя идее женского равноправия. Возможно, надеясь провести поданный им как чисто технический закон, который мог упростить жизнь различному учебному и министерскому чиновничеству, он надеялся заодно «незаметно» разрешить вопрос, оставшийся нерешенным на протяжении десятилетий.

Однако это только наше предположение. Для проведения женских экзаменов за курс университета планировалось создание специальных государственных экзаменационных комиссий, однако именно наличие женщин, стремившихся к научной карьере, позволило Шварцу предложить сделать в определенных случаях исключение из этого правила: «Так как в среде лиц женского пола есть и такие, которые помимо педагогической и врачебной деятельности, стремятся вообще к занятиям науками и не только тем, которые входят в историко-филологический, физико-математический и медицинский факультеты, но и в юридический факультет, и в курс технических высших учебных заведений, то представляется желательным в законодательном порядке сохранить за Министром народного просвещения право допускать лиц женского пола в случаях необходимости к экзаменам и в комиссиях, образуемых при мужских учебных заведениях. Такой порядок может иметь место как в тех городах, где курсы не многолюдны, так и в тех случаях, когда число экзаменующихся в той или иной комиссии лиц мужского пола невелико» [4, л. 7–8].

Хотя, на первый взгляд, закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений» отличался от перечисленных нами выше законодательных инициатив Шварца, направленных на развитие начального и среднего образования в стране, при внимательном рассмотрении это мнение кажется ошибочным. Закон был направлен как раз на улучшение обеспечения средних учебных заведений квалифицированными преподавателями, заботу о положении этих преподавателей и, отчасти, на облегчение бюрократической нагрузки на само министерство. Только планировавшееся разрешение женщинам получать ученые степени выбивалось из этого ряда.

В недрах бюрократической машины

В недрах Министерства народного просвещения работа над законом велась, вероятно, на протяжении всего 1909 г., возможно, она была начата еще в 1908 г. В октябре 1909 г. законопроект был готов [20, л. 3] и 12 ноября отправлен на согласование в Министерство финансов и Министерство внутренних дел, с прось-

бой сообщить ответ непосредственно в Совет Министров. Товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский (1862–1935) ответил уже 3 декабря 1909 г. очень коротко: «...имею честь уведомить Ваше превосходительство, что настоящий законопроект со стороны Министерства внутренних дел никаких возражений не вызывает» [20, л. 10]. Этот ответ не удивляет, поскольку как раз в августе 1909 г. Министерство внутренних дел само было озабочено вопросом принятия женщин на службу в ряды чиновников министерства и даже проводило опрос на местах [21, л. 1, 1 об.]. Полученные ответы во многом оказались положительными: «...допущение на службу в Главное управление по делам печати лиц женского пола является полезным», – писал, например, А. В. Бельгард (1861–1942), начальник Главного управления по делам печати [21, л. 3, 3 об.]. На основании изучения документов специально созданной в 1909 г. комиссии при министерстве для выяснения этого вопроса Г. В. Гарбуз указывает: «В целом руководство МВД относилось к привлечению женщин на государственную службу положительно. Из 94 руководителей различных местных и центральных учреждений, опрошенных комиссией А. Д. Арбузова, только десять человек высказались категорически против использования женского труда в подразделениях министерства» [22, с. 25–26].

Ответ Министерства финансов пришел только 14 декабря 1909 г., несмотря на надпись на бланке: «Весьма срочно». Это неудивительно, поскольку, во-первых, создание комиссий по приему государственных экзаменов требовало определенных затрат, а во-вторых, возможность получать дипломы университетов автоматически означала возможность для женщин работы в штате учебных заведений, а не просто по найму, а это уже затрагивало вопрос более высоких зарплат, различных выплат, пенсионного обеспечения..., т. е. увеличения расходов, в том числе государственных... В предыдущие годы на частные просьбы научных учреждений о приеме женщин в штат, именно Министерство финансов отвечало отрицательно. Например, еще 25 ноября 1900 г. Императорская Академия наук от имени Пулковской обсерватории обратилась к министру народного просвещения с просьбой разработать законодательство, позволившее бы принимать на государственную службу выпускниц Высших женских курсов.

В Пулковской обсерватории к тому времени работали сдельно две выпускницы Бестужевских курсов Е. А. Максимова и М. В. Жилова (1871–1934). По словам руководства обсерватории, они «в течение пяти лет вполне оправдывали возлагавшиеся на них надежды». Поскольку «благодаря их серьезному отношению к делу обсерватория имеет теперь в лице их еще двух опытных вычислителей, труды которых приносят столь большую пользу», руководство обсерватории и президент академии, великий князь Константин Константинович (1858–1915) считали, что «весьма было бы важно обеспечить участие таких вычислительных сил и на будущее время, упрочив их положение в обсерватории». Работа «на сдельной плате» не позволяла этого, поскольку «таким образом материальное положение их в будущем, при старости, а также в случае болезни представляется очень шатким». Исходя из этого, руководство академии просило министра «об исходатайствовании в законодательном порядке права определения на государственную службу в обсерваторию лиц женского пола, окончивших Высшие женские курсы по Математическому отделению, на должности [хотя бы только] вычислителей и сверхштатных астрономов с правами на пенсию и единовременные пособия» [23, л. 1]. И 12 декабря 1900 г. господин министр народного просвещения отправил это прошение на экспертизу министру финансов [23, л. 4, 4 об., 5, 5 об., 6, 6 об.].

Ответ из министерства финансов пришел 2 января 1901 г. и это был категорический отказ: «По обсуждении настоящего дела, я не могу не обратить внимание на то, что лицам женского пола, занимающим должности в правительственных учреждениях, служебные права предоставляются вообще лишь в виде изъятия из общего правила и притом некоторым только строго определенным категориям служащих, например, учительницам, женщинам-врачам и т. д. Что касается лиц женского пола, занимающихся в Пулковской обсерватории, то к предоставлению им служебных прав, по моему мнению, не усматривалось бы достаточных оснований. Поэтому и в виду нежелательности дальнейших отступлений от общего порядка, я затрудняюсь выразить согласие на осуществление помянутого предположения и нахожу, что в Пулковской обсерватории лица женского пола могли бы быть допускаемы для занятий лишь на общих, принятых в правительственных учреждениях основаниях,

т. е. из платы по найму» [23, л. 9, 9 об.]. Переписка между Пулковской обсерваторией, Академией наук, Министерством народного просвещения и Министерством финансов по этому вопросу продолжалась на протяжении 1901, 1902 и до начала 1903 г. Академия и Министерство просвещения поддерживали просьбу обсерватории, однако решение Министерства финансов оставалось неизменным.

Окончательный ответ был дан 8 февраля 1903 г. Он чуть менее лаконичен, чем предыдущие идентичные и объясняет детали правительственной политики по этому вопросу: «Как было уже мною высказано в отзыве от 2 января 1901 г. за № 7905, лицам женского пола, занимающим должности в правительственных учреждениях, служебные права предоставляются вообще лишь в виде изъятия из общего правила и притом некоторым только строго определенным категориям служащих. Допущение изъятий из этого порядка может повлечь за собой дальнейшее расширение круга лиц женского пола с правами государственной службы, что представлялось бы крайне неудобным и нежелательным. Поэтому, и в виду неоднократных указаний Государственного совета о соблюдении крайней осторожности при предоставлении прав государственной службы я и ныне затрудняюсь выразить согласие на присвоение таковых прав лицам женского пола, занимающих должности сверхштатных астрономов и вычислителей в Николаевской Главной астрономической обсерватории» [23, л. 23, 23 об.]. В период, о котором идет речь, на посту министра народного просвещения последовательно сменилось три руководителя: Н. П. Боголепов (1846–1901), П. С. Ванновский (1822–1904) и Г. Э. Зенгер (1853–1919), Министерство же финансов все это время возглавлял С. Ю. Витте (1849–1915)¹. Очевидно, что в данном вопросе он руководствовался пожеланиями Государственного Совета, чья позиция в отношении женских прав в течение последующих пяти лет, как видим, изменилась мало, и А. Н. Шварц об этом прекрасно знал. Однако, заручившись поддержкой Министерства внутренних дел, он сумел получить также и поддержку Министерства финансов, которое в 1906 г. возглавил В. Н. Коковцов (1853–1943).

¹ Заметим в скобках, что если бы воспитавшая С. Ю. Витте бабушка, выдающаяся естествоиспытательница, Елена Павловна Фадеева (1789–1860), рожденная княжна Долгорукая, о которой он с большим уважением и восхищением писал в своих воспоминаниях, узнала о подобной политике внука, она наверно была бы очень разочарована и вряд ли его похвалила...

Заключение В. Н. Коковцева на законопроект Шварца было получено, как упоминалось выше, 14 декабря 1909 г.: «Имею честь уведомить Ваше превосходительство, для доклада Совету Министров, что, не встречая возражений по существу предложенного министром народного просвещения мероприятия, я тем не менее считаю необходимым высказать следующие соображения относительно некоторых частных частей настоящего проекта...» [20, л. 9]. Соображения касались некоторых вопросов пенсионного и финансового обеспечения, работы экзаменационных комиссий – деталей, которые вполне можно было обсудить и уточнить. Направляя 12 ноября 1909 г. свой законопроект помощнику управляющего Совета Министра Н. В. Плеве (1871–после 1929), А. Н. Шварц не преминул упомянуть о поддержке двух ключевых для гражданских вопросов министерств [20, л. 41]. 4 декабря он получил ответ от государственного секретаря А. А. Макарова (1857–1919), который, «рассмотрев означенный проект и не встречая по существу его возражений», счел своим долгом остановиться на ряде частных моментов [20, л. 50].

Законопроект был сформулирован таким образом, что и не должен был вызвать особых возражений. Планировалось создать специальные государственные комиссии, в которых девушки, отвечавшие определенным критериям, могли бы сдать экзамены и получить государственный диплом I или II степени, который, в свою очередь, упростил бы процедуру принятия их на службу в средние школы различного уровня. Также предлагалось ввести звание «учительница гимназии», которое соответствовало бы уже существовавшему званию «учитель гимназии». Предусматривалось, что женщина, получившая это звание после сдачи дополнительных экзаменов и прохождения педагогической практики, получала бы оклад, выплаты и пенсионное обеспечение, такие же как и мужчина, что отличалось от уже существовавшей практики, хотя определенные ограничения сохранялись: «Лицам женского пола, имеющим свидетельства на звание учительницы гимназии и занимающим должности по учебной службе в правительственных учебных заведениях, предоставить те же права на вознаграждение, на единовременные пособия и на пенсию, какие присвоены лицам мужского пола, занимающим соответствующие должности от таких же учебных заведений, за исключением прав...» [20, л. 46, 46 об.].

Исключения из прав касались как раз возможностей, предоставляемых государственной службой. Получение женщинами прав государственной службы было исключено уже из первоначального проекта закона. Зная о позиции Государственного совета по этому вопросу, А. Н. Шварц, видимо, понимал, что у закона не будет никаких шансов, если включить пункт о предоставлении женщинам этих прав. И прописано это условие было как раз в пункте правил, посвященном возможности женщинам получать ученые степени: «Ст. 12. Выдержавшие успешно испытание в знании университетского курса (ст. 9 сих правил) могут приобретать от советов университетов ученые степени магистра и доктора. Дипломы на степени магистра и доктора выдаются по правилам, определенным в уставах университетов для лиц мужского пола, и с присвоением прав, предоставленных сим знанием на ученую и учебную деятельность, а также и на службу в учебных заведениях, согласно уставам сих последних», – гласила статья 12 новых правил и далее следовало примечание: «Примечание. Получившие дипломы 1-й или 2-й степени *не пользуются правами и преимуществами служебными и сословными*, предоставленными лицам мужского пола уставами высших учебных заведений» [20, л. 48].

13 января 1910 г. Совет Министров в своем заседании обсудил проект «правил об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о приобретении сими лицами ученых степеней и званий учительниц гимназий»: «Обсудив настоящее дело, в связи с поступившими по оному заключениями Министерств внутренних дел и финансов, Совет Министров не встретил в существе препятствий одобрить заявленные сенатором Шварцом предположения, сделав по поводу их лишь частные замечания...» [20, л. 61]. Замечания касались недостаточной проработки вопроса о пенсиях: будут ли они сохраняться при выходе женщины замуж, при получении пенсии за умершего супруга; каким образом оставшиеся после смерти дети будут иметь право на пенсию матери; о единовременных пособиях, в т. ч. при оставлении службы по болезни; о том, какой ученый ценз необходим для членства в будущих экзаменационных комиссиях. Наконец, одно из замечаний касалось как раз процитированного нами примечания к 12 статье правил: «В примечании к статье 12 правил о неприсвоении лицам жен-

ского пола, получившим дипломы 1 или 2 степени, предоставленных уставами высших учебных заведений лицам мужского пола служебных и сословных прав надлежало бы, по мнению Совета, определительно выразить, *во избежание всяких сомнений*, что выдержавшим испытания во вновь устанавливаемых комиссиях *не предоставляется вообще никаких прав, даруемых дипломами мужских высших учебных заведений*» [20, л. 62]. В остальном же Совет Министров одобрил представленный законопроект и при условии внесения в него исправлений разрешил отправить его «на законодательное усмотрение установленным порядком» [20, л. 62].

У законодателей

Итак, А. Н. Шварц внес законопроект в Государственную думу 27 марта 1910 г. [4, л. 1]; в заседании Думы 30 марта он был направлен на рассмотрение в Комиссию по народному образованию Государственной думы [4, л. 10 об.], которая смогла рассмотреть законопроект только в ноябре, в заседаниях 16 и 30 ноября 1910 г., в присутствии товарища министра народного просвещения Г. К. Ульянова (1859–1912). 21 января 1911 г. комиссия подготовила подробный доклад и была готова «представить означенный доклад на обсуждение Общего собрания Государственной Думы» [4, л. 45]. Доклад по законопроекту от имени комиссии подготовил Михаил Яковлевич Капустин (1847/48–1919), выходец из научной среды, сын старшей сестры Д. И. Менделеева, доктор медицины, профессор Варшавского и Казанского университетов, он придерживался умеренно-либеральных взглядов и в III Думе возглавлял парламентскую партию октябристов. К этому времени Л. А. Кассо уже сменил Шварца на посту министра народного просвещения, но это не остановило процедуру рассмотрения законопроекта. В докладе М. Я. Капустин подробно изложил вопрос и заявил, что «Рассмотрев настоящее представление и относясь сочувственно к установлению в законе правил, дающих возможность лицам женского пола приобретать права, сопряженные с высшим образованием, комиссия по народному образованию остановилась, однако, при обсуждении отдельных предположений правительства на следующих замечаниях...» [4, л. 20 об.]. Это было преуменьшением. Ни одно положение нового закона,

ни одна статья планируемых «Правил» не остались без критики и исправления. Помимо прочего, сама необходимость создания отдельных экзаменационных комиссий подверглась критике, как слишком дорогая и неэффективная мера по сравнению с простым расширением уже существовавших комиссий.

В настоящей статье нет возможности вдаваться во все подробности разногласий, однако обратим внимание на некоторые, на наш взгляд, принципиально важные. В целом ряде случаев, в которых в проекте закона намечалось ущемление прав женщин по сравнению с их коллегами-мужчинами, комиссия отметила это и посчитала необходимым исправить. Прежде всего это, конечно, касалось вопроса о пенсиях: «Считая, что установления для лиц мужского и женского пола одинаковых условий для получения ими диплома об окончании высших учебных заведений должно иметь своим последствием и приобретение этими лицами равноценных прав, комиссия заметила, однако, что начало это, проводимое правительством относительно служебного вознаграждения учительниц, не выдерживается по отношению к их послеслужебному обеспечению, так как оклады пенсии, присвоенные женскому учительскому составу в гимназиях по званию домашней учительницы значительно ниже соответственных окладов лиц мужского пола», – например, указал М. Я. Капустин [4, л. 21]. Также законопроект предполагал, что женщина, сдающая экзамены, должна будет заплатить за привилегию 50 р. (это соответствовало, например, плате за полугодное обучение на Московских высших женских курсах). «По этому поводу комиссия заметила, что раз труд женщин с высшим образованием признается для государства столь же желательным, как и труд мужчин с таким же образованием, то несправедливо было бы обставлять получение этого образования для женщин более тяжелыми условиями». Поэтому они считали необходимым установить плату в 20 р., как это было в существовавших уже комиссиях [4, л. 23 об.]. Характерно, однако, что несмотря на явное стремление уравнивать все права получивших одинаковые дипломы мужчин и женщин, комиссия Государственной думы оставила без комментариев и без изменения исключения из этого списка прав служебных и сословных так, как будто это было чем-то само собой разумеющимся: «желая по возможности

уравнять в правах лиц мужского и женского пола, обладающих одинаковой научной подготовкой, комиссия заменила ст. 10 и примечание к статье 12 одной общей статьей 10 следующего содержания: “Получившие один из указанных в статье 9 дипломов или званий, за исключением звания лекаря, пользуются всеми правами и преимуществами, предоставляемыми дипломами соответственных мужских учебных заведений, *кроме прав служебных и сословных*”» [4, л. 24].

Однако нельзя сказать, чтобы комиссия Думы позиционировала себя защитницей прав женщин; скорее, защитницей стандартов имперского образования, заходя в этом стремлении временами гораздо дальше, чем даже министерство. Комментируя одно из положений, М. Я. Капустин, например, говорил: «...полагая, что допущение к столь важному и ответственному делу, как воспитание и образование юношества, должно быть производимо не иначе как после тщательной поверки научной подготовки и учебной опытности лица, желающего заниматься преподавательской деятельностью, комиссия нашла нужным в настоящем же законе обезопасить учебные заведения от учительниц, совершенно не соответствующих своему назначению» [4, л. 24]. Замечаний было так много, что пришлось подготовить «Сравнительное изложение министерского законопроекта “Правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о приобретении ими ученых степеней и звания учительницы гимназий” и соответствующего проекта комиссии по народному образованию» [4, л. 28–31 об.].

31 января 1911 г. итоговый доклад и сравнительная таблица разночтений были переданы в редакционную комиссию Думы, которые она и рассмотрела в заседании 4 февраля 1911 г. [4, л. 87], подготовив свой краткий вариант проекта закона и «Правил». 25 февраля 1911 г. Государственная дума слушала наконец законопроект и без долгих обсуждений постановила его утвердить и передать в Государственный совет [4, л. 94].

Процедура рассмотрения законопроекта в Государственном совете была не менее тщательной и продолжительной по времени, чем в Государственной думе. Прежде чем поступить на обсуждение в общем собрании Государственного совета, законопроект отправили в Финансовую комиссию и затем в Комиссию законодательных предположений. Оставаясь членом

Государственного совета и, по-видимому, сохраняя заинтересованность в своем законопроекте, А. Н. Шварц присутствовал при обсуждении вопроса в обеих комиссиях [4, л. 127]. Государственный совет выслушал доклад по результатам этих обсуждений 22 апреля 1911 г. Докладывали М. М. Ковалевский и М. Д. Дмитриев. Комиссии Государственно совета признали, что в современном законодательстве империи отсутствовала возможность получения дипломов высших учебных заведений для женщин и что с течением времени это стало неудобным: «Отсутствие в законе надлежащих по сему предмету указаний, не имевшее особого значения в прежнее время, ныне, с увеличением числа высших учебных заведений и с допущением лиц женского пола к преподавательской деятельности в гимназиях, представляет существенные неудобства, с одной стороны – для многочисленных слушательниц высших учебных заведений, ближайшим образом заинтересованных в том, чтобы понесенные ими труды обеспечивали им возможность приобретения известных прав на поприще ученой или педагогической деятельности, а с другой – для самого государства, не располагающего при настоящих условиях достаточными гарантиями в том, что привлекаемые к учебной службе в средней школе лица женского пола действительно обладают высшим образованием» [4, л. 128, 128 об.]. Признав необходимость исправления сложившейся ситуации, комиссии Государственного совета нашли достаточно много моментов в законопроекте, которые вызвали их несогласие, моментов, внесенных в качестве поправок именно Государственной думой. Они нашли, что планируемый закон поставит женщин в *преимущественное* положение по сравнению с мужчинами и касалось это как раз приобретения ученых степеней и звания учительницы гимназий: «Соединенные комиссии нашли, что по самому существу дела проектируемые правила о порядке приобретения лицами женского пола ученых степеней и звания учительницы гимназий должны быть, по возможности, согласованы с усвоенным в действующем по учебной части законодательстве общим началом, в силу коего к приобретению ученых степеней магистра и доктора и звания учителя гимназий могут быть вообще допускаемы только лица, имеющие дипломы о выдержании испытаний в объеме полного

университетского курса, – указывали сенаторы и продолжали – Между тем настоящий законопроект содержит в себе существенные от этого общего начала отступления, в смысле предоставления лицам женского пола более льготных, чем установленные для лиц мужского пола, условий приобретения упомянутых выше прав» [4, л. 128 об.].

Речь шла о том, что члены Государственной думы предложили разрешить получать степени не только женщинам, сдавшим экзамены за университетский курс, но и за курсы других, более специализированных высших учебных заведений, чьи учебные планы были не такими обширными. Интересна мотивировка представителей Государственного совета: «Считая вообще *несправедливым устанавливать для лиц женского пола более льготные, чем для лиц мужского пола условия* приобретения ученых степеней и прав на преподавание в гимназиях, комиссии, кроме того полагали, что с точки зрения интересов нашей высшей и средней школы допущение лиц женского пола, не получивших университетских дипломов, к испытаниям на ученые степени и на право преподавания в гимназиях, могло бы даже иметь неблагоприятные последствия в том отношении, что открыло бы, при известных условиях, доступ к ученой деятельности в высшей школе и к преподавательской службе в гимназиях лицам, хотя и получившим высшее специальное образование, но не обладающим необходимою для научных деятелей и педагогов широтою подготовки, которая в полной мере приобретает лишь прохождением соответствующего университетского курса» [4, л. 128 об., 129]. Само же предложение разрешать выдавать женщинам дипломы магистра и доктора, а также разрешить им работу в научных и высших учебных учреждениях никаких замечаний не вызвало.

Количество поправок, внесенных в закон комиссиями Государственного совета, не уступало количеству поправок, внесенных Государственной думой. Большинство из них касалось вопросов пенсионного обеспечения, технического процесса сдачи и приема экзаменов, состава и деятельности экзаменационных комиссий. Некоторые сегодня кажутся чисто техническими, хотя для законодателей они, по-видимому, имели большое значение, как, например, предложение переименовать звание «учительница гимназий» в «учительница сред-

них учебных заведений» и пр. Государственный совет обсуждал законопроект в своих заседаниях 17, 21, 26 и 27 мая 1911 г. Далее, в соответствии с процедурой, законопроект мог быть либо возвращен в Государственную думу, либо быть передан в специально созданную комиссию, состоявшую из одинакового числа членов обоих законодательных учреждений. Этот второй вариант, по мнению Государственного совета, «в значительной мере облегчил бы вторичное рассмотрение его (закона. – О. В.) в Государственной думе» [4, л. 134]. В итоге Совет пришел к выводу о необходимости создания Согласительной комиссии «для обсуждения возникших между Государственным советом и Государственной думой разномыслий по законопроекту об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы гимназий» [4, л. 121, 121 об.]. 29 октября 1911 г. председатель Государственной думы сообщил председателю Государственного совета, что Дума избрала членов комиссии со своей стороны [4, л. 137]. В состав комиссии от Государственного совета вошли: М. Д. Дмитриев, Н. А. Зверев, Н. М. фон Кауфман, П. П. Кобылинский, М. М. Ковалевский и А. Н. Шварц. Со стороны Государственной думы – С. Н. Алексеев (впоследствии отсутствовал на заседании), В. К. фон Анреп, граф А. А. Бобринский, М. Я. Капустин, П. Н. Милюков, отец И. В. Титов [4, л. 122, 122а, 122б].

Комиссия собралась для обсуждения 14 ноября 1911 г. [4, л. 141] и прежде всего избрала своим председателем Шварца [4, л. 143] и 2 декабря представила свое заключение [4, л. 142]. Какие-то вопросы не вызвали возражений, как, например, замена звания учительницы гимназии на предложенное Госсоветом звание учительницы средних учебных заведений, или разрешение присваивать степени магистра и доктора только тем, кто выдержал экзамены на знание именно университетского курса; другие вызвали дискуссию. Это касалось не только пенсий (например, пенсионного обеспечения мужа, в случае смерти жены, имевшей право на пенсию), но и вопроса приобретения нового звания учительницами, проработавшими уже 10 лет и более после окончания образования, – поскольку было очевидно, что им будет крайне затруднительно снова сдавать экзамены за весь курс обучения, и того, кого именно и на каких

основаниях можно было допускать к экзаменам. Сохранилось сравнительное изложение вариантов законопроекта, составленного Министерством народного просвещения, в редакции, одобренной Государственной думой и изменений, внесенных соединенными комиссиями Финансовой и Законодательных предположений Государственного совета [4, л. 150–160].

Государственная дума заслушала доклад Согласительной комиссии в открытом заседании 9 декабря 1911 г. [4, л. 161 об.], внесла поправки и передала в редакционную комиссию [4, л. 165 об.]. Уже 10 декабря редакционная комиссия в составе П. Г. Матюнина, С. Н. Алексеева и Н. А. Захарьева рассмотрела законопроект и все поправки [4, л. 169]. В тот же день Государственная дума утвердила законопроект в представленной редакции [4, л. 189], а уже 13 декабря отправила утвержденный вариант обратно в Государственный совет [4, л. 241]. 19 декабря 1911 г. Николай II написал на представленном ему законе «Быть по сему» [4, л. 247]. 30 декабря 1911 года закон был опубликован и вступил в силу.

Обсуждение и выводы

Рассмотрев историю принятия закона «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», мы стали лучше понимать обстоятельства его появления. Его создатель, А. Н. Шварц, будучи министром народного просвещения, очень серьезно относился к делу постановки начального и среднего образования в стране, а закон, по своему существу призванный служить упрощению практики приема женщин на службу как раз в средние учебные заведения, хорошо укладывался в его политику. Анализ текста представленного им законопроекта позволяет утверждать, что его автор старался обеспечить равные права обладателям одинаковых дипломов независимо от их пола в отношении пенсионного обеспечения и различных выплат, насколько, по его мнению, это согласовывалось с законодательной базой Российской империи и взглядами консервативно настроенного Государственного совета. Он хорошо понимал ограничения, налагаемые политикой Государственного совета в отношении ограничения женщин в служебных и сословных

правах, и не пытался их преодолеть, осознавая, что эта попытка обречена на неудачу и приведет только к отказу от законопроекта в целом. Но поданный как чисто «технический», призванный упростить задачи государственного управления, законопроект был принят без существенных возражений, а возникшие разногласия законодателей как раз сосредоточились в основном на технических деталях. Надо заметить, что хотя законопроект теоретически и в длительной перспективе должен был упростить и улучшить положение учительниц и будущих учительниц, он принес с собой немало сложностей для них. Девушки, только что окончившие высшие женские курсы и уже сдавшие весь набор экзаменов, чтобы получить свидетельство, необходимое для предоставления в Государственную экзаменационную комиссию, должны были вновь сдавать экзамены за весь курс университета. Это занимало много времени – иногда до нескольких лет. Женщины, уже имевшие многолетний стаж преподавательской работы, вынуждены были вновь сдавать экзамены, хоть и в льготном порядке, если хотели получить новое звание и возможности, которые оно давало. Конечно, это было крайне затруднительно для женщин, разбросанных по просторам империи, живших, как правило, на очень скромные средства и часто уже имевших семью.

Пункт закона, позволивший женщинам впервые в российской истории получать степени магистров и докторов и занимать должности в ученых учреждениях и в высшей школе кажется почти чужеродным, незаметным, как будто бы он был добавлен между делом, несмотря на то, что подобная возможность была вынесена в заголовок уже самого первого варианта законопроекта. Автор законопроекта никак не объясняет его необходимость, упоминая только, что это кажется «справедливым» и не раскрывая более подробно своих мотивов. Законодатели при обсуждении закона не возражали против него, фактически не обращали на него внимание и приняли как должное. Они также никак не оговорили вопрос пенсионного обеспечения будущих сотрудниц высшей школы и научных учреждений, различных положенных мужчинам, занимающим подобные должности, выплат. Единственный момент, в котором они хотели добиться абсолютной ясности – это ясное понимание того, что женщины вместе с дипломами не приоб-

ретут служебные и сословные права, т. е. права на вступление в государственную службу, кроме оговоренной службы в учебных и ученых учреждениях, на чины, ордена, связанные с этим выплаты, права перехода в другое, более почетное сословие.

Однако изучая биографии и жизненные траектории молодых еще в 1911 г. женщин, мечтавших о профессиональной карьере ученых, можно с уверенностью утверждать, что для них эти сословные и служебные ограничения не имели значения. Они получили возможность, о которой мечтали – профессионально заниматься наукой, преподавать в высшей школе, стать полноценными членами научного сообщества, возможность, в которой государство отказывало им на протяжении нескольких десятилетий. Их не смущала необходимость несколько раз сдавать одни и те же экзамены, не беспокоила далекая пенсия. Безо всяких фанфар, тихо и почти незаметно закон А. Н. Шварца дал россиянкам право профессионально заниматься наукой, право, которое с тех пор больше никто и никогда в нашей стране не оспаривал, по крайней мере на законодательном уровне.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 31. Ч. 1. СПб., 1914. С. 1297–1300. (Ст. 36226). С. 1299–1300.
2. Валькова О. А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX–I треть XX в. // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х –1930-е годы) / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М.: НЛЮ, 2012. С. 809–848. EDN: ZXZETD
3. Валькова О. А. Штурмуя цитадель науки – женщины-ученые Российской империи: М.: НЛЮ, 2019. 792 с. EDN: BHRHLR
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1235.
5. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 50.
6. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 56.
7. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 61.
8. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 74.
9. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 75.
10. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 53.
11. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 58.
12. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 59.
13. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 73.
14. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 77.
15. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 82.
16. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 116.
17. РГИА. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 117.
18. РГИА. Ф. 1226. Оп. 2. Д. 515.
19. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 31 октября 1908 г. № 173. Отдел первый. Ст. 1487. О разрешении лицам женского пола, допущенным в высшие учебные заведения, в качестве посторонних слушательниц, окончание слушания курсов на одинаковых с посторонним слушателями условиях. СПб.: Сенатская тип., 1908. 1400 с.

20. РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Д. 129.
21. РГИА. Ф. 776. Оп. 23. Д. 43.
22. Гарбуз Г. В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2009. – № 2 (10). – С. 22–28.
23. РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 229.

On the History of the Law of 1911 "On the Tests of Female Persons in the Knowledge of the Higher Educational Institutions' Course and on the Procedure for their Acquisition of Academic Degrees and the Title of Teacher of Secondary Educational Institutions"

Olga A. Valkova

In the Russian Empire for the first time women received the right to acquire master's and doctoral degrees and to serve in academic and higher educational institutions under the law "On testing female persons in the knowledge of the course of higher educational institutions and on the procedure for acquiring academic degrees and the title of teacher of secondary educational institutions", adopted in December 1911. The history of the unexpectedly liberal law, adopted at the height of the reactionary policy of the Minister of Public Education L. A. Kasso, remains unexplored in modern historiography. In this article we study the history of the adoption of this revolutionary law, which essentially allowed Russian women access to a professional career in science, and the motives that guided its creators.

Key words: the law "On the tests of female persons in the knowledge of the course of higher educational institutions and on the procedure for their acquisition of academic degrees and the title of teacher of secondary educational institutions", Russian Empire, academic degree, women scientists.

For citation: Valkova, O. A. (2024) K istorii zakona 1911 g. «Ob ispytaniyah lic zhenskogo pola v znaniy kursa vysshih uchebnykh zavedeniy i o poryadke priobreteniya imi uchenykh stepeney i zvaniya uchitel'nicy srednih uchebnykh zavedeniy» [On the History of the Law of 1911 "On the Tests of Female Persons in the Knowledge of the Higher Educational Institutions' Course and on the Procedure for their Acquisition of Academic Degrees and the Title of Teacher of Secondary Educational Institutions"]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 196–221. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_196. EDN: SGTKFM

References

1. (1914) *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e. T. 31. Ch. 1.* [The complete collection of laws of the Russian Empire. The 3rd collection. Vol. 31. Part 1]. St. Petersburg. Pp. 1297–1300. (In Russ.)
2. Valkova, O. A. (2012) *Gosudarstvennaya politika v sfere professional'nogo nauchnogo truda zhen-shchin v Rossii: konec XIX – I tret' XX v.* [State policy in the field of professional scientific work of women in Russia: the end of the 19th – 1st third of the 20th century]. *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noj i nauchnoj politiki v Rossijskoj imperii – SSSR (konec 1880-h –1930-e gody)* [Schedule of Changes: Essays on the History of Educational and Scientific Policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s –1930s)]. Ed. A. N. Dmitriev. Moscow: NLO. Pp. 809–848. (In Russ.)

3. Valkova, O. A. (2019) *Shturmuya citadel' nauki – zhenshchiny-uchenye Rossijskoj imperii* [Storming the Citadel of Science – women scientists of the Russian Empire]. Moscow: NLO. (In Russ.)

4. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [The Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 1278. Op. 2. D. 50.

5. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 50.

6. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 56.

7. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 61.

8. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 74.

9. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 75.

10. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 53.

11. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 58.

12. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 59.

13. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 73.

14. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 77.

15. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 82.

16. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 116.

17. RGIA. F. 1672. Op. 1. D. 117.

18. RGIA. F. 1226. Op. 2. D. 515.

19. (1908) *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva. 31 oktyabrya 1908 g. № 173. Otdel pervyj. St. 1487. O razreshenii licam zhenskogo pola, dopushchennym v vysshie uchebnye zavedeniya, v kachestve postoronnih slushatel'nic, okonchanie slushaniya kursov na odinakovyh s postoronnim slushatelyami usloviyah* [Collection of laws and regulations of the government. October 31, 1908, No. 173. Department one. Article 1487. On allowing women admitted to higher education institutions, as outside students, to finish listening to courses on the same terms as outside students]. St. Petersburg: Senate Printing House. (In Russ.)

20. RGIA. F. 733. Op. 154. D. 129.

21. RGIA. F. 776. Op. 23. D. 43.

22. (2009) Garbuz G.V. *Zhenshchiny na gosudarstvennoj sluzhbe v Rossii v nachale XX v.* [Women in public service in Russia at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region* [Izvestia of higher educational institutions. Volga Region]. No. 2 (10). Pp. 22–88. (In Russ.)

23. RGIA. F. 733. Op. 143. D. 229.

Об авторе

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

About the author

Valkova Olga A., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

Статья поступила в редакцию 16.06.2024

Одобрена после рецензирования 09.07.2024

Принята к публикации 15.07.2024